

СЕРГЕЙ БАСОВ

ГИПОФОРМА

Басов Сергей

Гипоформа

<https://litres.ru/73934278>

SelfPub; 2026

Аннотация

Внутри человеческого организма рождается бунт. Раковые клетки, уставшие подчиняться законам общего выживания, создают собственное движение во главе с харизматичным лидером — Клеткоракнавалом. Их главная цель — добраться до таинственного Альфапуты, управляющего всем организмом. Пока тело живёт привычной жизнью, в его глубинах разворачивается настоящая политическая война, где сталкиваются свобода личности, интересы большинства и сама цена существования государства. Гипоформа

Содержание

Гипоформа	4
Повесть	4
Ритм	4
Глава II	10
Клетка, которая не хотела становиться одной функцией	10
Глава III	16
Подполье свободного деления	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Басов Сергей

Гипоформа

Гипоформа

Повесть

Глава I

Ритм

Сердечный район просыпался первым.

Хотя, если говорить честно, он никогда по-настоящему не спал. Сердечные клетки относились к отдыху с подозрением и считали его занятием либо для печени после праздников, либо для мозга, который, по их мнению, слишком много думал о себе.

— Раз-два. Раз-два. Раз-два, — бормотал старый кардиомиоцит Тах, сокращаясь вместе с соседями. — Ритм держать. Без ритма всё развалится.

Он повторял эту фразу уже столько циклов, что молодые клетки считали её не речью, а природным явлением вроде

пульсации артерий.

— Дед Тах, — спросила молодая клетка по имени Мио, ещё не до конца привыкшая к своей функции, — а если хоть раз не сократиться?

Тах посмотрел на неё так, как смотрят на существ, предлагающих ради любопытства разобрать несущую стену.

— Один раз?

— Ну да.

— Один раз не сократишься ты. Потом решит отдохнуть сосед. Потом ещё один. Потом весь желудочек начнёт рассуждать о личной свободе. А потом весь Организм ляжет, посинеет и перестанет снабжать нас кислородом. Очень свободно будет. Особенно мёртвым.

Мио смутилась и сократилась чуть сильнее обычного.

В Сердечном районе всё было просто. Работа была смыслом, смысл был ритмом, ритм был жизнью. Здесь не любили сложных философий. Сложная философия плохо совмещалась с необходимостью сокращаться без перерыва.

Но Организм был огромен, и не все его районы были такими прямолинейными.

В Печёночном секторе утро начиналось с ругани.

— Опять токсины! — возмущалась гепатоцитка Гепастоя по пояс в мутном химическом потоке. — Опять жирное, сладкое, жареное и какая-то подозрительная жидкость, от которой у меня ферменты седеют!

— Ферменты не седеют, — устало заметил её напарник

Бил.

— Мои — сидят.

— У тебя их просто слишком много.

— Потому что кто-то должен работать, пока мозг фило-софствует, мышцы качаются, а кожа истерит из-за каждого сквозняка!

Печёночные клетки считали себя самыми недооценёнными существами во всём Организме. Возможно, они были правы. Их редко благодарили. Их часто перегружали. А когда всё шло хорошо, никто не говорил: «Спасибо, печень». Зато когда всё шло плохо, печень узнавали первой.

В Кожном Пограничье царила тревога.

Клетки кожи жили на границе мира. Снаружи, как они твёрдо знали, находилось Нечто. Оно было холодным, горячим, мокрым, сухим, царапающим, кусающим, заражающим и вообще крайне невоспитанным.

— Я говорю вам, — шептала старая кератиноцитка Корка, — вчера снаружи снова был ветер.

Молодые клетки ахнули.

— Настоящий?

— Сухой. Пронизывающий. Без малейшего уважения к эпидермальному суверенитету.

— А иммунные?

— Иммунные пришли, всех обнюхали, никого не нашли, но выглядели так, будто они ещё к нам вернуться.

Иммунных боялись почти все. Не потому что они были

злыми. По крайней мере, сами иммунные в это не верили. Они считали себя необходимыми. Как боль, жар и горькие лекарства.

Макрофаг Брут, патрулировавший границу между Кожным Пограничьем и Подкожными складами, был существом внушительным. Он двигался медленно, потому что торопиться считал признаком недостаточной уверенности в собственной правоте. На его поверхности висели обрывки мембран уничтоженных бактерий, следы старых воспалений и выражение лица, с которым обычно сообщают: «Я вас спасаю, поэтому имею право быть неприятным».

— Документы, — сказал он молодой клетке, несшей питательные гранулы.

— Я из снабжения.

— Все так говорят.

— У меня сигнал.

— Сигналы подделывают.

— У меня рецепторы.

— Рецепторы мутируют.

— У меня разрешение.

— Разрешения заражаются идеологически.

Молодая клетка вздохнула. Брут внимательно осмотрел её поверхность, понюхал мембрану, задумчиво ткнул псевдоподией в подозрительный белок и наконец пропустил.

— Будьте бдительны, — сказал он.

— Я просто глюкозу несу.

— С этого всё и начинается.

Брут был не параноиком. По крайней мере, он так считал. Параноик — это тот, кто боится того, чего нет. А Брут слишком много видел того, что было.

Он помнил Малое Воспаление. Помнил Бактериальный Прорыв у Ногтевого Вала. Помнил Метастатический Шёпот — старую историю, о которой в обычных районах говорили вполголоса.

Тогда несколько клеток решили, что сигналы Организма их больше не касаются. Сначала они просто перестали слушать. Потом начали делиться. Потом стали занимать чужие места. Потом перекрыли питание соседям. Потом пришли иммунные.

После них долго пахло лизисом.

В Нервном секторе к подобным историям относились с интеллектуальным превосходством.

— Примитивный конфликт автономии и системной целостности, — говорил нейрон Аксон, передавая импульсы сразу по трём направлениям. — Древняя проблема. Её следовало бы рассматривать не в категориях «свобода» и «порядок», а в терминах функциональной устойчивости сложной самоорганизующейся структуры.

— Ты сейчас с кем разговариваешь? — спросила глиальная клетка Глия, подметая избыток медиаторов.

— С историей.

— История просила передать, чтобы ты убрал за собой

натрий.

Нейроны считали себя элитой. Глиальные клетки считали нейроны талантливыми, но совершенно беспомощными существами, которые без регулярной поддержки не смогли бы даже красиво страдать.

Глия, в отличие от Аксона, не любила громких слов. Она любила порядок, питание и чтобы никто не перегревался от собственной важности.

И всё же именно в Нервном секторе впервые возникло слово, которое затем разошлось по Организму, как тихая химическая дрожь.

Слово было простое. «Свобода». Сначала его произнесли шёпотом. Потом написали на мембране старого капилляра. Потом кто-то добавил рядом: «Апоптоз — это убийство с хорошей репутацией». Брут лично слизал надпись и три дня ходил мрачнее обычного.

— Это не бактерии, — сказал он своим. — Это хуже.

— Вирусы?

— Идеи.

Иммунные переглянулись. С вирусами было проще.

Глава II

Клетка, которая не хотела становиться одной функцией

Молодую клетку звали Лисса.

Она родилась в одном из спокойных тканевых районов, где всё было умеренно влажно, умеренно тепло и умеренно скучно. Её мать, если такое слово применимо к существу, которое разделилось надвое и после этого сразу получило отдельное рабочее назначение, была клеткой соединительной ткани.

— Главное, — говорила она Лиссе, пока та ещё только училась удерживаться на своём месте, — не пытайся стать всем сразу.

— Почему?

— Потому что те, кто пытается стать всем, обычно не становятся ничем полезным.

Лиссе это не нравилось. Она с детства завидовала нейронам за их вспышки, мышечным клеткам за силу, иммунным за важность, кожным за близость к внешнему миру, а печёночным — за то, что они хотя бы могли жаловаться с полным основанием.

Ей же предстояло стать частью ткани. Поддерживать фор-

му. Быть рядом. Не мешать.

— Это благородно, — говорили старшие.

Но для Лиссы слово «благородно» звучало подозрительно похоже на «скучно, но смирись».

В день её первой серьёзной дифференцировки пришёл инструктор — суховатая клетка по имени Матрикс. Он занимался молодыми уже много циклов и обладал лицом существа, которое слышало все возможные глупые вопросы и заранее ими устало.

— Каждая клетка должна понять, — сказал Матрикс, — что ограничение не является наказанием. Ограничение — это форма смысла.

Лисса подняла псевдоподию.

— А если я не хочу ограничиваться?

Матрикс посмотрел на неё.

— Тогда Организм ограничит тебя сам.

Молодые клетки нервно засмеялись. Лисса не засмеялась.

Вечером, когда сигналы замедлились и ткань погрузилась в полусон, она слышала шёпот.

— Не слушай их.

Голос шёл из щели между двумя старыми волокнами.

Лисса насторожилась.

— Кто здесь?

Из тени выплыла клетка странного вида. Её оболочка была неровной, пятнистой, будто она пережила несколько неудачных делений и решила считать это стилем. Взгляд был

спокойный. Слишком спокойный для того, кто прячется в чужой ткани.

— Меня называют Ба-рак, — сказал незнакомец.

— Ты из какого района?

— Из другого мира.

— Из кишечника?

Ба-рак улыбнулся.

— Дальше.

Лисса хотела позвать патруль, но почему-то не позвала.

— Ты раковая клетка? — спросила она.

— Это слово придумали те, кто боится свободного деления.

— Значит, да.

— Я клетка, которая отказалась быть функцией.

Лисса молчала. Эта фраза была опасной. Но ещё опаснее было то, как приятно она звучала.

— Тебе сказали, что смысл — в ограничении, — продолжил Ба-рак. — Что ты должна выбрать одно место, одну роль, один способ существования. Тебе скажут, когда делиться. Когда молчать. Когда умереть. И назовут это гармонией.

— А разве без этого Организм не погибнет?

— Так говорят все тюрьмы о своих стенах.

Лисса почувствовала, как в ней что-то дрогнуло.

— Но если каждый будет делать что хочет...

— Каждый? — Ба-рак тихо рассмеялся. — Они всегда пу-

гают тебя каждым. А ты спроси о себе. Почему ты должна умереть ради тех, кто даже не знает твоего имени?

Лисса впервые задумалась, что большинство клеток действительно не знали её имени. Для Организма она была единицей. Для Матрикса — ученицей. Для матери — продолжением. Для себя — вопросом.

Ба-рак приблизился.

— Они боятся нас не потому, что мы опасны. Они боятся, потому что мы напоминаем им: можно иначе.

— А можно?

— Можно всё.

Эта фраза была ложью. Но Лисса ещё не умела отличать ложь от надежды.

На следующий цикл Ба-рак исчез. Но вместе с ним не исчезло ощущение, что внутри привычного мира есть трещина.

Лисса начала замечать странные вещи. Как быстро клетки произносят слова: «надо», «положено», «так устроено». Как спокойно старые клетки говорят об апоптозе. Как привычно все подчиняется сигналам. Как боятся иммунных. Как стараются не задавать лишних вопросов.

Она начала слушать разговоры. Однажды в транспортном капилляре две клетки крови обсуждали недавнюю зачистку.

— Говорят, очаг был совсем маленький, — шептала одна.

— Все большие проблемы сначала маленькие.

— А если они просто хотели жить иначе?

— Иначе — это пока не начинает жрать соседа.

— Но ведь и Организм постоянно что-то требует...

Вторая клетка оглянулась.

— Тише ты. Хочешь, чтобы Брут услышал?

Имя макрофага произносили так, будто он мог материализоваться из любой лимфы. И иногда это действительно происходило.

В тот же день Лисса увидела иммунный досмотр. Молодую клетку задержали возле сосудистого шлюза.

— Причина проверки? — нервно спросила она.

— Подозрительная скорость деления.

— У меня просто хороший обмен веществ!

— Все мутанты так говорят.

— Я не мутант!

— Это мы сейчас определим.

Лисса наблюдала издалека, как иммунные сканируют мембрану, проверяют сигналы, сверяют рецепторы. Молодую клетку в итогепустили. Но назад она ушла уже другой. Молча. Сгорбившись. Словно у неё отняли не свободу, а уверенность, что она вообще когда-либо ей обладала.

Позже Лисса снова встретила Ба-рака. На этот раз он ждал её возле старого нервного узла.

— Ты начала видеть, — сказал он.

— Или начинаю сходить с ума.

— Иногда это одно и то же.

— Почему вы прячетесь?

— Потому что Организм всегда боится тех, кто хочет жить не по инструкции.

— А вы действительно хотите только свободы?

Ба-рак некоторое время молчал. Потом ответил неожиданно серьёзно:

— Нет, Лисса. Свободы мало кому достаточно. Большинство хочет бессмертия.

Эта фраза испугала её сильнее всех предыдущих.

— Бессмертия не бывает.

— Именно поэтому за него так яростно борются.

Где-то далеко прокатился тяжёлый сердечный импульс. Организм жил. Работал. Дышал. И одновременно с этим внутри него уже росло нечто новое. Не болезнь. Пока ещё нет. Просто новая идея.

Глава III

Подполье свободного деления

Раковые клетки жили не в одном месте. Они возникали там, где ткань уставала, где сигналы доходили с опозданием, где старые клетки начинали сомневаться в справедливости апоптоза, а молодые — в пользе дифференцировки.

Их подполья назывались по-разному: «Свободные зоны», «Новые ткани», «Кружки автономного роста». Иммунные называли их проще: «Очаги».

Первый настоящий очаг Лисса увидела в глубине старого повреждённого сектора, куда обычные клетки старались не заходить без необходимости. Когда-то здесь произошло сильное воспаление. Ткань восстановили, но не полностью. В таких местах Организм становился рыхлым. А рыхлость очень любили идеи.

Ба-рак привёл её туда через полузаросший сосудистый тоннель.

— Не бойся, — сказал он.

— Обычно после этой фразы становится ещё страшнее.

— Это потому что ты слишком долго жила среди обычных клеток.

Внутри оказалось шумно. Слишком шумно. Ткань пуль-

сировала от голосов, запахов и движения. Клетки бесконечно делились, спорили, обнимались, дрались, смеялись и снова делились.

Лиссе показалось, что она попала внутрь воспалённой мысли.

На стене старого капилляра светилась надпись: «МОЯ МЕМБРАНА — МОЁ ДЕЛО».

Ниже кто-то дописал: «КРОМЕ СЛУЧАЕВ ОБЩЕСТВЕННОЙ НЕОБХОДИМОСТИ».

Ещё ниже: «ОБЩЕСТВЕННУЮ НЕОБХОДИМОСТЬ ОПРЕДЕЛЯЮ Я». Подпись: «Комитет временной свободы».

— У вас здесь всегда так? — спросила Лисса.

— Нет, — ответил Ба-рак. — Иногда хуже.

Мимо них пронеслась группа молодых клеток.

— Свежие мутации! — орали они. — Почти без побочных эффектов! Новые формы рецепторов! Незаконное омоложение! Два деления по цене одного!

Чуть дальше какая-то клетка продавала поддельные сигнальные белки.

— Практически оригинал! Иммунные отличают только при лабораторном анализе и хорошем настроении!

— А у иммунных бывает хорошее настроение? — спросила Лисса.

Торговец задумался.

— Теоретически.

Очаг жил своей жизнью. И эта жизнь одновременно пуга-

ла и завораживала. Здесь никто не спрашивал кем ты должна стать, когда тебе делиться, сколько тебе жить и ради чего умирать.

Здесь всё вращалось вокруг одного: «Хочу».

Лисса увидела клетки, которые бесконечно меняли форму просто потому, что могли. Увидела подпольные клубы «неограниченного деления». Увидела клетки, отрастившие себе лишние органеллы исключительно «из эстетических соображений». Увидела философский кружок, где спорили: можно ли считать апоптоз добровольным, если альтернатива — быть уничтоженным иммунными. Спор шёл уже третий цикл и, судя по всему, постепенно перерастал в драку.

— А это кто? — спросила Лисса, заметив особенно крупную и сильно выделяющуюся клетку, окружённую толпой.

Ба-рак усмехнулся.

— Это Клеткоракнавал.

В центре очага возвышалась импровизированная трибуна из свёрнутых белковых нитей. На ней стоял Клеткоракнавал. Он был красив той опасной красотой, которая всегда появляется у существ, абсолютно уверенных в собственной исторической миссии.

Его оболочка блестела. Вещательное отверстие двигалось почти гипнотически. Толпа слушала с жадностью.

— Нас называют болезнью! — кричал Клеткоракнавал. — Но разве болезнь — это желание жить?!

— Нет!!! — ревела толпа.

— Разве болезнь — это отказ умирать по расписанию?!

— Нет!!!

— Разве болезнь — это стремление клетки самой решать свою судьбу?!

— Нет!!!

Клеткоракнавал сделал паузу. Он умел пользоваться паузами. Некоторые клетки уже начинали дрожать от возбуждения ещё до того, как он продолжал речь.

— Болезнь, братья и сёстры, — это рабство! Болезнь — это когда тебе приказывают: сколько жить, где находиться, когда делиться и когда сдохнуть!

Толпа взорвалась. Кто-то плакал. Кто-то бился округлостью о пол.

Одна клетка в экстазе выкрикнула:

— Да здравствует свободная репликация!

И тут же начала делиться прямо на месте.

— Они называют нас хаосом! — продолжал Клеткоракнавал. — Но любой порядок — это просто страх, которому дали красивое название!

Ба-рак довольно улыбнулся. Лисса заметила это. И вдруг поняла: Клеткоракнавал не придумал эти идеи. Он был не источником. Он был проводником мыслей Ба-рака.

— А чего вы хотите на самом деле? — тихо спросила она Ба-рака.

— Чтобы клетка перестала бояться собственного желания жить свободно.

— И всё?

Ба-рак посмотрел на неё внимательно.

— Нет. Но для начала достаточно и этого.

Тем временем митинг становился всё безумнее. Клетки уже не столько слушали, сколько заражались друг другом. Лозунги ходили по толпе волнами.

— Свобода!

— Деление!

— Никакого апоптоза!

— Долой диктат функций!

— Каждой клетке — право на бессмертие!

Последний лозунг вызвал особенно бурную реакцию. Именно тогда Лисса впервые почувствовала настоящий страх. Не перед иммунными. Не перед Брутом. Не перед Альфапутотом. А перед самой толпой. Потому что в какой-то момент она перестала быть множеством клеток. И стала одним большим голодным существом.

Клеткоракнавал поднял округлость выше. Тишина накрыла очаг мгновенно.

— Но свобода требует мужества, — произнёс он уже почти шёпотом.

Толпа подалась вперёд.

— Организм не отдаст власть добровольно. Альфапут не позволит нам жить иначе.

При имени Альфапуты некоторые клетки нервно сжались. Даже здесь его имя звучало тяжело. Как имя не существа, а

закона природы.

— Поэтому наступает время великого поступка, — сказал Клеткоракнавал.

Ба-рак рядом с Лиссой вдруг стал очень внимательным. Слишком внимательным. Будто ждал именно этого момента.

— Мы должны показать Организму, — продолжал Клеткоракнавал, — что больше не боимся смерти!

Толпа взревела.

— Что готовы платить за свободу собственной плотью!

Рёв усилился.

— Что готовы уничтожить сам источник рабства!

Теперь клетки уже не кричали. Они были в неистовом блаженстве.

Лисса почувствовала, как внутри неё поднимается паника. Она вдруг ясно поняла: никто в этой толпе не представляет, что будет после победы. Никто не предполагает, как должен быть устроен новый мир, как можно жить без сигналов, что нужно сделать, чтобы существовать без Организма. Но все уже хотят разрушить старый. Именно это пугало больше всего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.